

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 195–206, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47) 084.6

Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.)

Делгир Юрьевна Топалова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Проблема изучения калмыцкого зарубежья остается на сегодня мало-исследованной. В советский период деятельность калмыцкой эмиграции по известным идеологическим причинам не освещалась. Имена калмыцких зарубежных деятелей, казалось, были навсегда вычеркнуты из духовного наследия калмыцкой культуры, несмотря на их важное значение для воссоздания целостной картины развития калмыцкой культуры в целом. *Цель:* рассмотреть общественно-культурное движение калмыцкой эмиграции. *Результаты.* Вытесненные с родины калмыки-эмигранты, несмотря на свою малочисленность, а также тяжелые, подчас трагические условия жизни, не подверглись национально-культурной ассимиляции. Напротив, свою деятельность, все свои интеллектуальные силы они направили на сохранение национального самосознания, исторической памяти, национальных традиций и культуры. Лидеры калмыцкого зарубежья видели в этом залог возрождения и процветания своего народа. *Выводы.* Анализ общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья позволяет говорить о феноменальности данного явления, уникальность которого заключается в сохранении национальной идентичности, поддержании эмигрантами культурного единства, продвижении идей национального возрождения и просвещения калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыцкое зарубежье, общественно-культурная деятельность, Великая российская революция, миграция, национальные традиции

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.). *Oriental Studies*. 2019;(2):195-206. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206.

UDC 94 (47) 084.6

Socio-Cultural Activities of the Kalmyk Expatriate Community (1920s – early 1930s)

Delgir Yu. Topalova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

ORCID: 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The issue of exploring the Kalmyk expatriate community still remains understudied. In the Soviet period, the activities of the Kalmyk émigrés were not covered for well-known ideological reasons. The names of Kalmyk foreign figures seemed to have been permanently removed from the spiritual heritage of Kalmyk culture, despite their importance for recreating a holistic picture of the development of Kalmyk culture in general. *Goals.* The paper aims to consider the socio-cultural arrangements of the Kalmyk émigrés. *Results.* The emigrant Kalmyks ousted from their homeland – despite their small number, as well as the difficult, sometimes tragic living conditions – did not undergo any significant national-cultural assimilation. On the contrary, they directed their activities, all their intellectual powers to preserve national identity, historical memory, national traditions and culture. The leaders of the Kalmyks abroad saw this as a guarantee of the revival and prosperity of their nation. *Conclusion.* The analysis of the socio-cultural activities of the Kalmyk expatriate community suggests the phenomenality of those developments, the uniqueness of which lies in preserving national identity, maintaining cultural integrity of emigrants, promoting the ideas of national revival and enlightenment of the Kalmyk nation.

Keywords: Kalmyk expatriate community, social and cultural activity, Great Russian Revolution, migration, national traditions

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the state subsidy — the project ‘Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (Reg. No. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Socio-Cultural Activities of the Kalmyk Expatriate Community (1920s – early 1930s). *Oriental Studies*. 2019; (2):195-206. DOI 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206.

Введение

Возникновение калмыцкого зарубежья было связано с вынужденным исходом в годы Великой Российской революции населения, в том числе казачества, в страны Европы. Оказавшись на чужбине, каждый из эмигрантов мечтал вернуться домой. Как известно, в 1920–1930-е гг. имела место и репатриация, но и она закончилась трагически и была связана с массовыми репрессиями и последующими расстрелами (см.: [Топалова 2017б: 60–75]).

Людям ничего не оставалось, как начать приспособливаться к жизни на чужбине. Перед эмигрантами встали две проблемы, которые требовали своего разрешения: социально-экономическая и политическая. В связи с этим перед зарубежной калмыцкой общественностью возник вопрос о создании собственных национальных организаций. Самая первая из них была образована в г. Константинополе и называлась Союз калмыков-буддистов. После миграции калмыков из Турции в Болгарию появляется другая организация — Комитет о беженцах-калмыках. В Югославии, главным образом в Белграде, были сосредоточены четыре организации: Платовская станица, Борманжиновская, Русско-калмыцко-каза-

чья колония, Калмыцкий Буддийский Совет и Калмыцкая станица; во Франции — общекалмыцкая станица и Союз калмыков-эмигрантов; станица им. полковника Тепкина, Союз калмыков, Калмыцкий хутор, Ермаковский (последний состоял из кубанских и донских калмыков) в Десине.

Большим событием для калмыцкой эмиграции было открытие в 1923 г. организации Калмыцкой комиссии культурных работников (далее — КККР).

Издательская деятельность являлась важной стороной культуры калмыцкой эмиграции: во-первых, она сыграла большую роль в развитии общественной мысли; во-вторых, печатное слово способствовало, как показало исследование, пропаганде национально-политических идей, а также развитию социальной работы, связанной с улучшением условий жизни калмыков за рубежом. Однако самое главное, на что было направлено печатное дело, — это сохранение и развитие калмыцкой культуры, истории, литературы и письменной традиции в иноэтнической среде.

Цель и материалы исследования

Цель работы заключается в попытке осветить основные моменты развития общественно-культурной деятельности кал-

мыцкой эмиграции 1920–1930-х гг. Источниковую базу составили историческая литература, корпус зарубежной калмыцкой и казачьей периодической печати указанного периода, публицистические статьи самих эмигрантов.

Основная часть

Возникновение калмыцкого зарубежья явилось прямым следствием поражения белогвардейской армии в России и ее постепенного вытеснения с калмыцкой территории [Топалова 2017а]. Трагедия, происшедшая в тот момент с калмыцким народом, заслуживает отдельного исследования. Для него, как и для Белой армии, начиналась длинная череда мучений и смертей. Многие, не выдержав ужаса происшедшего, сдавались в плен или же были расстреляны. Другие во избежание подобной участи, находясь уже на новороссийской пристани, стали бросаться в море.

Массовые убийства калмыков в сёлах Чепраке, Лопанке, Саратовской, а также в Екатеринодаре, уход Белой армии в Крым и ее дальнейшая судьба подробно описаны в рассказах и романе «Девичья честь» Санжи Басановича Балыкова (1894–1943), калмыцкого писателя-эмигранта, сформировавшегося как творческая личность в эмиграции¹.

14 марта 1920 г. Белая армия не в полном составе была переправлена в Крым. Позже, подписав перемирие с Польшей, к октябрю 1920 г., большевики захватили Крым.

Белая армия начала отступление. В ноябре по приказу генерала Врангеля войска Белой армии на судах были переправлены в Турцию. Кроме военных, из портов Керчи, Феодосии, Севастополя уходили беженцы. На суда пропускали только воинские части, из гражданских — преимущественно мужчин [Алексеева 2010: 142].

По прибытии в Турцию калмыки (на сегодня точное количество эвакуировавшихся в Турцию остается неизвестным) были расселены в беженских лагерях: Берандор, Селине, Кабакджа, Тузла, Халхи. Беженские лагеря были наскоро организованы властями

Турции, поэтому условий для проживания в них не было.

Решением проблем, связанных с проживанием, питанием, госпитальной помощью, трудоустройством российских беженцев, занимались специальные организации. Так, активную работу проводили Центральный объединительный комитет Российского общества Красного креста (РОКК), Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. «Еще в 1920 г., предвидя, что страну покинет большое количество беженцев, руководство РОКК на совещаниях с представителями всероссийского союза городов и всероссийского земского союза в Харбине пришло к заключению, что беженская проблема стала первоочередной» [Голотик, Ипполитов 2001:].

Перед калмыцкой и казачьей эмиграциями стояли две основные проблемы: 1) разрешения практических вопросов; 2) политическая. Для их решения калмыками были созданы «свои национальные организации» [Проблема организации 1930: 2].

В лагере Тузла при содействии Красного креста вначале был создан Калмыцкий культурно-просветительский комитет, а позже образован Буддийский союз. Благодаря работе комитета при Тузлинской русской гимназии были открыты калмыцкая школа на 40 человек, курсы иностранных языков, библиотека-читальня и любительский театр. Спустя время калмыцкий культурно-просветительский комитет прекратил свое существование. Буддийский союз, членами которого являлись Б. Н. Уланов, Е. Ч. Чонов, Д. Онкоров, С. Б. Баянов, А. А. Алексеев, Л. Шембенов и О. Босхомджиев, перебазировался в Константинополь. Программа действий организации сводилась к тому, чтобы найти пути возвращения в Россию или переселения в страны, более всего подходящие калмыкам по климату, вере и языку: Китай, Монголию или Тибет.

Для установления необходимых контактов через буддийскую общину в Англии (ее представительство находилось на тот момент в Турции) Далай-ламе и гелюнгу Лувсан-Шарапу Тепкину были отправлены письма, написанные Бадмой Улановым. Они были доставлены секретной экспедицией ламы Давы Ямпилова (из Бурятии), руководителем которой был военный разведчик, впоследствии полковник Красной

¹ Более подробно о жизненном и творческом пути писателя С. Б. Балыкова см.: [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23 (П. Э. Алексеевой). Оп. 2. Д. 137. Л. 1–4]. Одной из первых попыток научного анализа творчества калмыцкого писателя-эмигранта стала работа Б. А. Бичеева [Бичеев 1991].

армии В. А. Хомутников, неоднократно бывавший с заданиями в Тибете, Китае и Монголии.

В 1921 г. определенная часть беженских групп и остатки Белой армии, эвакуированные из Крыма, постепенно эмигрировали из Турции, где в тот период разгоралась национально-освободительная революция. Люди уходили в Болгарию и Сербию.

Наряду с проходившим процессом эвакуации калмыков в страны зарубежья, в 1921 г. в эмигрантской среде начался процесс репатриации, проходивший сложно и трагически. В 1931 г., приехав в родные края, люди подверглись репрессиям и расстрелам [НА РК. Ф. Р. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–31].

Оставшимся калмыцким эмигрантам, тяжело переживавшим процесс репатриации земляков, ничего не оставалось, как вынужденно начать приспосабливаться к трудным условиям жизни на чужбине. Став буквально в одно мгновение беженцами, люди, потерявшие все — семью, имущество, социальное положение, — буквально выживали, причем, как показал анализ, это ни в коей мере не зависело от их классового положения или же рода занятий.

Вопреки расхожему мнению о том, что за рубеж совершили исход лишь представители калмыцкой интеллигенции, зажиточные классы, офицеры и т. д., в числе изгнанников были и бедные слои общества (простые солдаты, рабочие и т. д.), многие из которых не относились к белому движению. Люди лишь хотели избежать расправы со стороны красных, бежали, спасая свои семьи. В большинстве своем представители калмыцкого зарубежья навсегда остались верными антисоветской позиции.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. многие из калмыков-эмигрантов мигрировали в другие страны Европы. Так, например, в Болгарии в 1930-е гг. в калмыцкой колонии насчитывалось около 100 человек [Жизнь калмыцкой эмиграции 1931: 44], спустя два года — 183 [Жизнь калмыцкой эмиграции 1932: 59].

Люди были разбросаны по разным деревням. Основные группы находились в районе Пловдива и в Софии. Наиболее многочисленной группой была калмыцкая колония, находящаяся в Королевстве сер-

бов, хорватов и словенцев², где в начале 1920-х гг. насчитывалось около 200 калмыков, а в начале 1930-х гг. — до 300 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 8].

В начале 1920-х гг. Прага стала отправной точкой творческого возрождения для многих русских эмигрантов, в том числе и для калмыков. В 1923 г., напомним, здесь была организована Калмыцкая комиссия культурных работников (КККР), в которую вошли яркие представители калмыцкой интеллигенции 1920-х гг.: Б. Н. Уланов, С. Б. Баянов, С. Б. Балыков, Э. Д. Хара-Даван, Д. И. Ремилев, Н. Э. Нимбушов, Д. Н. Баянова, Ш. Н. Балинов и др. Главной целью комиссии было «создание духовных основ для калмыцкого национального развития» [Уланов 1925: IV]: возрождение национальной литературы, сохранение родного языка и национального письма, собрание памятников устного народного творчества, а также литературы на калмыцком, санскритском, монгольском языках, приобретение предметов буддийского культа [Монгольский ученый комитет 1928: 1]. Как отмечали сами учредители, они прекрасно понимали, что осуществление всех задач по культурному развитию калмыцкого народа в условиях эмиграции невозможно. Однако выдвижение их являлось «исторической необходимостью» [Монгольский ученый комитет 1928: 1].

Приоритетное значение придавалось также и образовательному вопросу. В 1921 г. в Праге была открыта Русская реальная гимназия, которая находилась в ведении Министерства просвещения и Министерства иностранных дел. Через год, в 1922 г., при ней начало свою работу калмыцкое отделение, где обучалось двадцать шесть учащихся и работали два воспитателя — Басан Кушлынов и Доржи Ремилев.

К ноябрю 1923 г. в пансионе числилось уже сорок два человека, а к концу года — сорок восемь [Ремилев 1928: 42]. По ходатайству Калмыцкой комиссии культурных работников, наряду с общими предметами, для детей преподавались калмыцкий язык, история и основы буддизма.

Кроме основных занятий, калмыцкая молодежь с удовольствием занималась вне-

² Сведения о жизни и работе калмыков-эмигрантов первой волны в Сербии подробно представлены в статье: [Бакаева 2017].

урочной деятельностью. Так, двенадцать человек участвовали в местном Страшницком отряде чешских соколов, лучшие из которых принимали участие на VIII Всесокольском слете. При гимназии была также калмыцкая футбольная команда под названием «Калмыцкая одиннадцать». Впоследствии некоторые участники ее состава стали членами профессионального чешского клуба «Спарта» [Ремилев 1928: 17].

Кроме развития образовательной сферы, другим, не менее важным, делом, члены Калмыцкой комиссии культурных работников считали выпуск периодических изданий (см. подробнее [Баянова, Каджиев 2016]). В целом Калмыцкой комиссией было выпущено: пять выпусков хрестоматии «Хонхо», один номер журнала «Информация», книга «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка В. Л. Котвича», один номер журнала «Ойрат», один номер журнала «Санан» и четыре номера журнала «Улан Залат». В числе постоянных авторов вышеперечисленных изданий были С. Б. Балыков, Ш. Балинов, Э. Д. Хара-Даван, С. Кульдинов, С. Аршинов и др.

Первый в истории калмыцкой эмиграции журнал вышел в 1925 г. в г. Белграде и имел весьма символическое название для калмыцких читателей-эмигрантов — «Ойрат». Его инициаторами были студенты-эмигранты: Нури Маглинов, студент медицинского факультета, Эренцен Бурулдушев, студент агрономического факультета, и Санджа Степанов, студент юридического факультета. Средства на выход первого номера были выделены доктором Э. Д. Хара-Даваном, поэтому на обложке журнала значится: «Издание Э. Хара-Давана». Он был выпущен в количестве 100 экземпляров и сразу же распространен по калмыцким колониям. Для находящихся в эмиграции калмыков выход в свет первого номера было долгожданным и весьма радостным событием.

Издание в целом было оформлено довольно просто, но при этом продуманно. Обложку номера сопровождал рисунок на этническую тему, связанную непосредственно с темой родины: изображение родной для сердца калмыка степи, кибиток и коня.

Структура журнала, главной идеей которого было объективное обсуждение проблем, связанных с изучением социаль-

но-хозяйственных и политических факторов в послереволюционный период, была представлена в форме обмена мнениями по проблеме национального объединения — насильственного переселения донских калмыков в Калмыцкую автономную область, образованную в 1920 г.

Так, в ходе дискуссий Санжи Балыков выступал против объединения, считая, что донские калмыки должны остаться на Дону, таким образом, их следует «сохранить, «не растворяя их в массе дербетов» [Балыков 1925: 3], т. е. не подвергая их исчезновению. Мнения же других эмигрантов, ярких деятелей калмыцкого зарубежья, по этому вопросу в целом были едины, но с небольшими оговорками. Так, доктор Эренжен Хара-Даван выступал за объединение сальских, ставропольских и астраханских калмыков, считая, что сальцы, будучи перемешанные с другим народом, больше всего подвергаются ассимиляции со стороны русского населения [Хара-Даван 1925б: 3]. В свою очередь объединение калмыцкого народа, создание единого целого несет за собой культурное возрождение. С ним соглашался и Санжи Баянов [Баянов 1925: 12–16]. Солидарен с мнением своих коллег был Басан Кушлынов, однако при условии объединения терских, уральских и оренбургских калмыков со ставропольскими, так как это явилось бы более выгодным шагом с экономической точки зрения, учитывая плодородные черноземные земли Ставрополя [Кушлынов 1925: 10]. Абуш Алексеев выступал за единение терских, уральских, оренбургских и астраханских калмыков, но без разрыва с братьями-казаками, обеспечивающими донским калмыкам возможность лучшего национально-правового положения, экономического возрождения и процветания. Земли Сальской степи и Большедербетовского улуса являлись, по его мнению, более удобными для хлебопашества, садоводства и огородничества [Алексеев 1925: 10–11].

В журнале также размещались статьи на другие актуальные как для эмигрантов, так и для калмыцкого народа в целом темы. Так, студентом Э. Бурулдушевым была написана статья «Из прошлой жизни донских калмыков». Б. Кушлыновым была представлена интересная статья на тему «Калмыки и их дети на чужбине», в которую, помимо основного вопроса, был включен интересный

материал о жизни калмыков в Константинополе, Болгарии, Сербии и Чехословакии.

Особого внимания среди всех заслуживает статья доктора Э. Д. Хара-Давана «Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа». В первом пункте своей работы автор говорит о существовании восточной ветви монгольской литературы, тем самым, подчеркивая, что у монголов, а значит и у калмыков, была и есть своя собственная национальная литература. В этом отношении автор напоминает читателю о найденной в одном из буддийских храмов в 1907–1908 гг. экспедицией Петра Кузьмича Козлова (1863–1935) богатейшей монгольской библиотеке. Эренжен Хара-Даван выражал справедливое мнение о том, что изучение любой литературы должно начинаться с собирания и систематизации народной и письменной литературы. Отмечается, что были собраны и готовились к напечатанию песни калмыцкого богатырского эпоса «Джангар», сказки, былины, загадки, песни. Весь материал планировалось издать в хрестоматии, предназначенной для школ, в которых обучение проводилось бы на родном языке. Хрестоматия А. М. Позднеева, по словам Э. Д. Хара-Давана, не отвечала педагогическим требованиям для начальной школы в плане подбора материала и отсутствия грамматики. В своей работе автор делится выводами об образе жизни и общем духовном развитии калмыцкого народа, говорит о его историческом прошлом, оспаривая мнение о причислении его к полудиким народам. Ставился вопрос и о калмыцком национальном шрифте, которым владели не все калмыки, например, представители сальской калмыцкой интеллигенции.

Э. Д. Хара-Даван выступал против перехода с калмыцкого шрифта на русскую транскрипцию, так как это, по его словам, означало потерять свое национальное «я», а также культурную связь с Востоком и с древней монгольской культурой, не говоря уже о том, что в калмыцком языке много звуков и соответствующих букв, которых нет в русском [Хара-Даван 1925а: 19–22].

В журнале можно выделить и небольшой литературный раздел. Сюда следует отнести прозаический перевод I главы под названием «Женитьба Хонгора» литографического издания калмыцкого героического

эпоса «Джангар», а также стихи студентов, начинающих поэтов Дорже Тюльтинова «Наездник» и Мирмы Шиханова «Когда мне грустно...».

Издание журнала «Ойрат» было прекращено и ограничено лишь первым выпуском. Разногласия по поводу издания в среде КККР, только начинавшей в тот период свою работу, послужили причиной того, что последующие номера не вышли. В итоге подготовленный второй выпуск журнала был сдан в архив Калмыцкой комиссии культурных работников.

Выход в свет хрестоматии «Хонхо», который состоялся в 1925 г., стал важным событием для всей калмыцкой эмиграции и был встречен с особым воодушевлением. Способствуя сохранению национальных традиций, члены Калмыцкой комиссии культурных работников целенаправленно занимались сбором и изданием фольклорных произведений. Хрестоматия выходила на староойратской письменности — «Тодобичиг» («Ясное письмо») литографским способом. В первый (1925) и во второй (1926) выпуски хрестоматии «Хонхо» вошли инсценировки и отдельные главы из калмыцкого героического эпоса «Джангар», тексты донских протяжных калмыцких песен, а также сказки, пословицы, поговорки и загадки. В третий (1927) — рукописный сборник калмыцкой хрестоматии, составленный еще в 1906 г. Шургучи Болдыревым. В четвертый (1927) — перевод повести «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина. Пятый, последний выпуск калмыцкой хрестоматии (1927), включил в себя книгу Н. Н. Пальмова «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России».

В 1927 г. вышел первый номер другого эмигрантского журнала — «Улан Залат» («С красной кистью»). Из трех изданных номеров два были на русском и калмыцком языках и один — на русском языке. Словосочетание «улан залат» переводится как «красная кисточка или «обладающий красной кисточкой», это элемент национальных головных уборов калмыков, один из главных этнических символов (см. подробнее: [Шараева 2017: 11–28, 54–55]). На титульной странице первого номера при пояснении этого распространенного среди калмыцкого народа значения редколлегия

журнала сделала акцент, прежде всего, на слове «народ», так как именно этот символ отличает калмыков и родственных им ойратов от других монгольских народов. Так, на титульных страницах всех номеров журнала было написано: «улан залат» — [народ] с красными кисточками [на головных уборах].

Изначально подразумевалось, что журнал будет выходить 4 раза в год. Однако ввиду материальных трудностей в свет вышли всего три номера и то — благодаря долгу, взятому эмигрантами у кредиторов и принесшему КККР большие финансовые осложнения.

Членами КККР было четко определено, что издание будет представлять собой историко-литературный, научный, публицистический и информационный неперiodический журнал на русском и калмыцком языках, далекий от политических баталий.

Главным редактором журнала был Б. Н. Уланов, членами редакции: Э. К. Николаев, С. Б. Баянов, Д. И. Ремилев. Цели издателей журнала сводились к тому, чтобы создать свой национальный печатный орган, который, как отмечал главный редактор журнала Б. Н. Уланов, ввиду «непосильной героической борьбы с большевиками» до определенного времени отсутствовал.

Большим событием в жизни калмыцкого зарубежья стал выход в свет книги «Чингис-хан и его наследие» (1929), автором которой был Эренжен Даваевич Хара-Даван (1883–1942), врач по образованию, историк, публицист. В период Февральской революции он занимался активной политической деятельностью, приняв сторону Советской власти. Со временем Э. Д. Хара-Даван перешел на сторону Белой армии и эмигрировал в Европу, впоследствии став одним из ярких представителей калмыцкой интеллигенции.

Историко-популярный труд автора вместил в себя концепцию монгольской истории на основе теории евразийского учения. Книга Э. Д. Хара-Давана отличается подлинным пронизательным национальным взглядом представителя кочевой восточной культуры. Лейтмотивом труда Э. Д. Хара-Давана является мысль о подлинном величии и скрытой силе Монгольской империи. Ему как человеку, искренне любившему свой народ и переживавшему за его нелегкую судьбу, была близка идея Чин-

гис-хана — сплочение всех людей в целостное царство Человечества, в один общий Союз, стремление к объединению, а значит, к возрождению, самоопределению. Таким он представлял будущее калмыков, искренне надеясь на это в душе.

Издание книги Э. Д. Хара-Давана вызвало среди земляков неоднозначные мнения. Так, группа эмигрантов-калмыков, живших и работавших в Париже, в газете «Последние новости», в заметке «Чингис-хан как полководец и его наследие» выразили протест и резко отрицательное отношение к труду своего земляка. Так, во-первых, выражалась мысль о том, что Э. Д. Хара-Даван не имел право выступать от имени калмыков, во-вторых, согласно убеждению авторов, Чингис-хан не имел к калмыкам никакого отношения, в-третьих, «калмыки суть казаки» [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 70], и, наконец, в-четвертых, было заявлено, что калмыки почитают Великую Россию, а потому никакого возрождения монгольских племен, в том числе калмыков, они считают ненужным [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 70].

Протест французских калмыков-эмигрантов коллегия КККР, членом которой являлся и Э. Д. Хара-Даван, назвала «нормальным» [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 71]. В лице председателя Б. Н. Уланова, его заместителя Э. Николаева, члена президиума Ш. Балинова, секретаря Э. Бурульдушова Президиум Комиссии подготовил свое ответное слово, которое было сведено к следующему: 1) Калмыцкая комиссия, не входя в оценку книги доктора Э. Д. Хара-Давана, считает ее весьма ценной для познания прошлого монголов, одно из племен которого представляют калмыки; 2) заявление о том, будто Э. Д. Хара-Даван выступал от имени калмыков, не имеет оснований и свидетельствует лишь о простом использовании авторами «протеста» содержания книги; 3) в свое время Калмыцкая комиссия пыталась издать книгу Э. Д. Хара-Давана, но безуспешно; 4) выступление калмыков от лица доктора Э. Д. Хара-Давана на литературном поприще являлось отрядным в культурной жизни фактом, достойным подражания. Указанный «протест» свидетельствует только о малом развитии у его авторов национального самосознания; 5) в следующем номере «Информации» КККР

надеется дать надлежащую оценку труду Э. Д. Хара-Давана и сделать разбор по существу; 6) КККР настоятельно рекомендует своим братьям-калмыкам серьезно познакомиться с богатым содержанием ценной книги Э. Д. Хара-Давана [Президиум калмыцкой комиссии 1930: 71].

Обозревая немногочисленные калмыцкие печатные издания калмыцкой эмиграции, следует отметить, что приоритетное значение в общественной жизни калмыцкой эмиграции занимало решение культурных и национально-политических проблем. Особого внимания требовали проблемы, связанные с организацией жизни калмыцкой эмиграции. Достаточно места отводилось работам, в которых освещались духовные и культурные связи с Монголией, что, несомненно, способствовало росту национального самосознания. Следует отметить и то, что калмыки-эмигранты пристально наблюдали за всеми событиями, происходящими в Советской Калмыкии, предлагая свои пути решения той или иной проблемы [Хара-Даван 1930; Баянов 1928; Уланов 1930].

К началу 1930-х гг. деятельность КККР была прекращена. Причиной тому послужило то, что в составе этой большой организации находились люди разных политических убеждений: Б. Н. Уланов был социалистом-националистом, С. Б. Баянов — кадетом, централистом и русофилом, Э. Николаев — казаком-демократом, автономистом, сам С. Балыков и его друг Ш. Балинов были участниками самостоятельного движения [Алексеева 2010: 56].

Общий экономический кризис, разразившийся в Чехословакии, а также принадлежность членов КККР к разным политическим лагерям и повлекли за собой внутренние разногласия, приведшие к ликвидации организации.

Во второй половине 1930-гг. в Париже была создана национально-политическая организация — «Хальмак Тангачин Тук» («Знамя калмыцкого народа») под руководством Санжи Балыкова и Шамбы Балинова, состоявших до того времени в редакции казачьего журнала «Вольное казачество»³.

³ Впервые журнал был издан в Праге (с 1927 по 1939 гг.). В Париже это издание курировали основоположники Вольно-казачьего движения в эмиграции — Игнат Архипович Билый (1887–1973), кубанский казак, инженер, поли-

Для сплочения эмигрантского сообщества нужны были новые идеи, открывающие пути к спасению и выживанию. Движения казаков, направленные на освобождение от советской власти и ее уничтожение и проникнутые националистической агитацией, полной федеративной независимостью, были близки политическим и националистическим интересам калмыцкой эмиграции в лице организации «Хальмак Тангачин Тук». В сотрудничестве с казачеством они видели посильную поддержку в борьбе с большевиками. Эмигранты-казаки, как и

тик, и Михаил Федорович Фролов (1897–1940), полковник, бывший командир Особого Донского казачьего полка. Журнал являлся «продуктом» Центра казачьего национального движения в эмиграции, председателем которого был историк, генерал, член Донского военного круга И. Ф. Быкадоров. От калмыцких эмигрантских изданий этот журнал отличался четко выстроенной структурой. Каждый номер открывался небольшим литературным разделом, в котором большей частью были стихи. Весь остальной материал составляли историко-политические очерки, доклады, отзывы, заметки, в которых, помимо пропаганды основных идей казачьего национализма, рассматривались также вопросы истории казачества, развития сельского хозяйства, поднимались проблемы казачьего студенчества и т. д. Значительное место отводилось материалам по истории Гражданской войны, воспоминаниям и аналитике ее участников. В 1927 г. в состав редакции журнала вошли и лидеры калмыцкой эмиграции — Шамба Балинов и Санжи Балыков, которые являлись активными и убежденными сторонниками вольно-казачьих движений. Их публицистические статьи, а также художественные произведения последнего печатались регулярно. К началу 1930-х гг. в Вольно-казачьем движении произошел конфликт, назревавший уже давно. Результатом неоднократных стычек стало то, что многие члены редакции покинули журнал [Гареева 2016], в том числе и Санжи Балыков. Это издание просуществовало до 1939 г. Кроме журнала «Вольное казачество», в эмиграции выпускались и другие издания, в которых активно сотрудничали лидеры калмыцкого зарубежья С. Балыков, Ш. Балинов: «Казачья земля» (1929, Прага), «Казачья газета» (1930, Прага), «Казачество» (1933–1934, Прага), «Казакция» (1934–1939, Братислава, София), «Казачий вестник» (1941–1945, Прага): «Казачий сполох», «Казачий голос», «Единство и независимость», «Казакция».

калмыки, оказавшись на чужбине, были вынуждены приспосабливаться к иной среде, сохраняя при этом свой национально-культурный облик.

Члены политической платформы «Хальмак Тангачин Тук» считали, что «самым лучшим исходом для нашего народа, самой лучшей государственной формой, обеспечивающей ему его национальные права, условия нормального национально-культурного, религиозного и хозяйственного развития, одним словом, для целесообразного и плодотворного развития всех его творческих сил — было бы установление независимого федеративного казачьего государства» [Предпосылки 1930: 2] — Казаккии, неотъемлемой и равноправной частью которого был бы калмыцкий народ.

В основу этого государства были положены следующие принципы: 1) начало народоправства с сильной и ответственной перед народом исполнительной властью; 2) гражданское равноправие без различия пола, национальности и исповедания; признание и защита прав национальных меньшинств; 3) свободная экономическая деятельность и частная собственность — индивидуальная и коллективная; 4) восстановление сельского хозяйства; 5) восстановление и развитие транспорта, промышленности и торговли с привлечением иностранных капиталов на условиях, обеспечивающих общегосударственные интересы и развитие общепроизводительных сил; 6) всеобщее народное и обязательное просвещение и энергичное содействие ему со стороны государства <...>; 7) охрана народного здоровья; 8) забота об армии; 9) внутренняя политика, направленная на умиротворение и устройство страны; мир с коренным «иногородним» населением Казачьих земель <...>; 10) внешняя политика, направленная к установлению самого тесного, братского союза со всеми соседними народами <...> [Предпосылки 1930: 4–6].

Творческой «трибуной», рупором новой идейно-политической платформы был журнал «Ковыльные волны». Издание носило национально-политический и, как все предыдущие журналы, антибольшевистский характер. Вступительное слово от редакции, открывшее первый номер журнала, было представлено на калмыцком (на калмыцкой письменности «тодо бичиг») и на русском

языках. В заявлении редакции подчеркивалось, что цель издания — «посильное служение идее национального самоопределения малых народов» [Наши цели 1930: 8]. Под ними подразумевались: украинцы, горцы, армяне, киргиз-казаки, туркестанцы и др., т. е. те народы, которые, находясь «под игом деспотической Советской власти» [Наши цели 1930: 8], открывали в то время национально-освободительное движение в борьбе с большевистской властью. Именно укрепление самоопределившихся народов, по мнению руководителей журнала, могло стать реальной основой, на которой стало бы укрепляться национальное возрождение народов [Наши цели 1930: 9].

Основными авторами журнала «Ковыльные волны» были члены редакции: С. Балыков, Ш. Балинов, а также другие лидеры калмыцкой и казачьей эмиграции — Эренжен Хара-Даван, Содмон Кульдинов, Владимир Балабин, Исаак Быкадоров и др. В числе постоянных литераторов были поэты и писатели-казаки: В. Поляков, А. Персидсков, Б. Кундюков, П. Крюков, Н. Келин, среди калмыцких: С. Балыков (его псевдонимы — Аюл Манцынов, Шалвур Ниминон, Бадня Цагаков и др.), С. Аршинов.

Еще одна проблема, которая больше всего беспокоила организацию «Хальмак Тангачин Тук» в тот период, была связана с тем, что калмыки, расселенные по разным странам Европы, постепенно подвергались ассимиляции, к тому же становилось больше смешанных браков. Люди начинали забывать свой язык, обычаи, народные традиции. Беспокоило членов организации и то, что работа на фабриках и заводах была вредна для здоровья людей, многие из них, заболев, рано умирали. В связи с этим ставился вопрос о переселении калмыков в числе казаков в южные штаты Америки, в частности, штат Техас, в северную часть Южной Америки, в Мексику, где люди имели бы возможность проживать более компактно и заниматься привычным для них сельским хозяйством [НА КалмНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 2. Д. 101. Л. 13].

Таким образом, для донских мигрантов этот вопрос стоял особенно остро, однако разрешить его сразу не удалось. Казаки сумели иммигрировать лишь спустя десять лет. Члены «Хальмак Тангачин Тук», при непосредственном участии С. Балыкова,

активно решали вопрос по перемещению калмыков в Азию, Монголию, о чем говорит обширная переписка писателя с представителями колоний во Франции, Югославии, Болгарии. Однако эта проблема не получила своего окончательного разрешения [Алексеева 2010: 152]. Переехать в Америку и обустроиться там калмыки смогли лишь в начале 1950-х гг.

Выводы

Таким образом, анализ общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья позволяет говорить о феноменальности данного явления. Учитывая драматизм положения эмиграции, который заключался в безвозвратной потере родины, кризисе национальной идентификации, общественно-культурная деятельность калмыцкого зарубежья, как свидетельствует

содержание публицистических работ, была сосредоточена на решении социально-политических проблем, развитии калмыцкой интеллектуальной общественной мысли и, наряду с этим, имела характер духовной миссии, направленной на поддержание культурного единства, национального возрождения и просвещения калмыцкого народа.

Об этом свидетельствует комплекс проблем, поднимаемых в публицистических работах. Из размышлений авторов нетрудно заметить, что каждый из них, находясь вдали от родины, «горел» искренним желанием не просто написать об этом, но и разобраться в той или иной проблеме, приняв, таким образом, заочное участие в жизни земляков. Эти задачи также являлись приоритетными для всей общественно-культурной деятельности калмыцкой эмиграции.

Источники

- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

Литература

- Алексеев 1925 — *Алексеев А.* Письмо из Сербии // Ойрат. 1925. С. 10–11.
Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени: сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* Скотоводческие традиции и этническое предпринимательство в Калмыкии: некоторые вопросы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 55–75.
Балыков 2005 — *Балыков С. Б.* Воспоминания о Зюнгарском полку // Альманах «Белая гвардия». 2005. № 8. Казачество в России. С. 45–52.
Балыков 1925 — *Балыков С. Б.* К переселению донских калмыков // Ойрат. 1925. С. 2–3.
Баянов 1925 — *Баянов С.* Вопрос о национальном объединении калмыков // Ойрат. 1925. № 1. С. 12–16.
Баянов 1928 — *Баянов С.* Россия и калмыцкий народ // Улан залат. 1928. № 2. С. 6–10.

- Баянова, Каджиев 2016 — *Баянова А. Т., Каджиев А. Ю.* База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью»: информационная основа, структура данных и алгоритмы обработки // Монголоведение. 2016. № 8. С. 227–238.
Бичеев 1991 — *Бичеев Б. А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. ...канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.
Гареева 2016 — *Гареева Д.* Зеркальная типология военной и казачьей печати // Доклады Башкирского университета. 2016. Том 1. № 1. С. 129–133.
Голотик, Ипполитов 2001 — *Голотик С. И., Ипполитов С. С.* Российское общество Красного креста (1917–1930-е гг.) [электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/17.shtml (дата обращения: 20.01.2019).
Жизнь калмыцкой эмиграции 1932 — Жизнь калмыцкой эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 5. С. 56–61.
Жизнь калмыцкой эмиграции 1931 — Жизнь калмыцкой эмиграции по сообщениям с мест // Ковыльные волны. 1931. № 3. С. 41–47.
Кушлынов 1925 — *Кушлынов Б.* К вопросу о национальном объединении и переселении калмыков в Россию // Ойрат. 1925. С. 16–18.
Монгольский ученый комитет 1928 — Монгольский ученый комитет // Улан Залат. 1928. № 2. С. 1–3.

- Наши цели 1930 — Наши цели // Ковыльные волны. 1930. № 1. С. 8–10.
- Предпосылки 1930 — Предпосылки и основные положения «Хальмак Тангчин Тук» // Ковыльные волны. 1930. № 2. С. 2–9.
- Президиум калмыцкой комиссии 1930 — Президиум калмыцкой комиссии. По поводу книги доктора Хара-Давана Э. «Чингис-хан как полководец и его наследие» // Информация. 1930. С. 70–71.
- Проблема организации 1930 — Проблема организации калмыцкой эмиграции // Улан залат. 1930. № 3. С. 1–5.
- Ремилев 1930 — Ремилев Д. Калмыцкая учащаяся молодежь за границей // Улан Залат. 1930. № 3. С. 6–9.
- Ремилев 1928 — Ремилев Д. Из жизни калмыцкого пансиона при Русской Реальной гимназии в Праге // Улан Залат. 1928. № 2. С. 16–18.
- Топалова 2017а — Топалова Д. Ю. Об истории возникновения калмыцкой эмиграции // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 137–149.
- Топалова 2017б — Топалова Д. Ю. К вопросу о репатриации калмыков-эмигрантов в 20–30 гг. XX в. // Монголоведение. 2017. № 10. С. 60–75.
- Уланов 1925 — Уланов Б. Н. Предисловие // Хонхо. 1925. Вып. I. С. I–X.
- Уланов 1930 — Уланов Б. Формы и пути денационализации народов // Улан залат. 1930. № 3. С. 24–29.
- Хара-Даван 1930 — Хара-Даван Э. Пути решения национальной проблемы // Улан залат. 1930. № 3. С. 33–35.
- Хара-Даван 1931 — Хара-Даван Э. Калмыки в Югославии // Информация. 1931. С. 60–61.
- Хара-Даван 1925а — Хара-Даван Э. Изучение способов и путей культурного возрождения калмыцкого народа // Ойрат. 1925. № 1. С. 19–22.
- Хара-Даван 1925б — Хара-Даван Э. К вопросу о национальном объединении // Ойрат. 1925. № 1. С. 5–7.
- Шараева 2017 — Шараева Т. И. Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. 288 с.
- A meeting of the Presidium of the Kalmyk Commission. Item on the agenda: ‘Genghis Khan as a Chieftain and His Heritage’ by E. Khara-Davan. Informatsiya. 1930. Pp. 70–71. (In Russ.)
- Alekseev A. A letter from Serbia. Oirat. 1925. Pp. 10–11. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. [About people and time: collected articles]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2010. 176 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Some aspects of livestock breeding traditions and ethnic entrepreneurship in Kalmykia. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). Elista. 2017. No. 3. Pp. 55–75. (In Russ.)
- Balykov S. B. Memoirs about the Zungarsky Regiment. Al'manakh 'Belaya gvardiya'. 2005. No. 8. Cossacks in Russia. Pp. 45–52. (In Russ.)
- Balykov S. B. The resettlement of the Don Kalmyks revisited. Oirat. 1925. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Bayanov S. Russia and the Kalmyk people. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 6–10. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Kadzhiev A. Yu. Database “the bibliographic directory of the kalmyk expatriate community”: the information basis, structure of the data and processing algorithms. Mongolovedeniye. 2016. № 8. Pp. 227–238.
- Bayanov S. B. The issue of the unification of the Kalmyks. Oirat. 1925. Pp. 12–16. (In Russ.)
- Gareeva D. “Mirror” typology of military and Cossack press. [Transactions of Bashkir State University]. 2016. Vol. 1. Is. 1. Pp. 129–133. (In Russ.)
- Golotik S. I., Ippolitov S. S. Russian Red Cross Society: 1917–1930s. The New Historical Bulletin. 2001. No. 2 (4). Pp. 237–250. (In Russ.)
- Khal'mag Tangchin Tuk: prerequisites and fundamental principles. Kovyl'nye volny. 1930. No. 2. Pp. 2–9. (In Russ.)
- Khara-Davan E. (a). Investigating means and ways for the cultural revival of the Kalmyk people. Oirat. 1925. No. 1. Pp. 19–22. (In Russ.)
- Khara-Davan E. (b). Revisiting the issue of national unification. Oirat. 1925. No. 1. Pp. 5–7. (In Russ.)
- Khara-Davan E. Kalmyks in Yugoslavia. Informatsiya. 1931. Pp. 60–61. (In Russ.)
- Khara-Davan E. The national problem: ways of solution. Ulan Zalat. 1930. Pp. 33–35. (In Russ.)
- Kushlynov B. Revisiting the issues of national unification and resettlement to Russia. Oirat. 1925. Pp. 16–18. (In Russ.)
- Life of the Kalmyk expatriate community. Kovyl'nye volny. 1931. No. 3. Pp. 41–47. (In Russ.)
- Life of the Kalmyk expatriate community. Kovyl'nye volny. 1932. No. 5. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Our goals. Kovyl'nye volny. 1930. No. 1. Pp. 8–10. (In Russ.)
- Remilev D. Kalmyk young students abroad. Ulan Zalat. 1930. No. 3. Pp. 6–9. (In Russ.)
- Remilev D. The Russian Realschule in Prague: episodes from the life of the Kalmyk boarding

- house. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 16–18. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [The ethnic markers of Kalmyks: research and materials]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2017. 288 p.
- The Kalmyk expatriate community: the issue of self-organization. Ulan Zalat. 1930. No. 3. Pp. 1–5. (In Russ.)
- The Mongolian Academic Committee. Ulan Zalat. 1928. No. 2. Pp. 1–3. (In Russ.)
- Topalova D. Yu. (a) The Kalmyk expatriate community: history of the emergence (1920–1930s). Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 5. Pp. 237–249. (In Russ.)
- Topalova D. Yu. (b) On the 1920–1930s repatriation of Kalmyk emigrants. Mongolovedenie. 2017. No. 10. Pp. 60–75. (In Russ.)
- Ulanov B. N. Denationalization of peoples: forms and ways. Ulan Zalat. 1930. Pp. 24–29. (In Russ.)
- Ulanov B. N. Foreword. Khonkho. 1925. Is. 1. Pp. 1–10. (In Russ.)

